

УДК 111.1:141.32:364.2

ФЕНОМЕН БЛАГОПОЛУЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Думинская Марина Викторовна,
marina-duminskaya@yandex.ru

Сургутский государственный педагогический университет,
Россия, 648404, г. Сургут, ул. Артема, 9.

Думинская Марина Викторовна, доктор философских наук, доцент кафедры социально-экономического образования и философии Сургутского государственного педагогического университета.

Анализируется феномен благополучия с позиций онтологического подхода. **Цель работы:** раскрыть экзистенциально-онтологический аспект феномена благополучия сквозь призму осмысления проблемы соотношения личностного и общественного блага. **Методы исследования:** методы экспликации и сравнительного анализа, философско-исторический, онтологический и герменевтический подходы. **Результаты.** Показана взаимосвязь феномена благополучия с такими понятиями, как благо, счастье, смысл жизни, деятельность, целеполагание. Обосновано, что благополучие как онтологический концепт многомерен, его понимание несводимо к удовлетворенности обладания внешними благами, основанными на приходящих ценностях. Благополучие выступает универсальным ресурсом, стремление к обладанию которым задает определенные координаты обретению онтологической устойчивости человека, действующего в различных модусах существования. В истории философской мысли выделены антисоциальная и социоцентристская позиции в отношении истолкования феномена экзистенциального благополучия. **Выводы.** Сделан вывод о диалектическом характере содержательных сторон онтологического благополучия, которое имеет качественно-феноменологические характеристики. Онтологическое благополучие связано определением смысла жизни, переживанием бытийного счастья с мерой успешности осуществления экзистенциального проекта личности, открывается человеку как озарение, внезапное переживание событий личностного свершения, подлинности и уникальности собственного бытия, событий обретения не только материального, но и духовного счастья и блага.

Ключевые слова: Благополучие, социальное благополучие, личностное благополучие, онтологическое благополучие, экзистенциальное благополучие, благо, счастье, смысл жизни, деятельность.

Человечество, выстраивая траектории своего развития, исходит из системы ценностных предпочтений и ориентиров (духовно-нравственных, политических, культурных, религиозных, экономических, биологических, экологических и др.), которые так или иначе соотносятся с представлениями о благополучной жизни как отдельного человека, так и общества в целом.

Рассмотрение феномена благополучия в социальном, социально-экономическом, социально-культурном контекстах, как правило, связывается с определенным уровнем достижения такого состояния общества, которое располагает необходимыми условиями для жизнеобеспечения человека.

Прослеживая на этимологическом уровне понятийный ряд, имеющий отношение к категории «благополучие», Л.И. Иванкина отмечает, что «социальное благополучие следует рассматривать как «объективно-субъективное явление, детерминированное по-

вседневными условиями жизнедеятельности людей, в которых они удовлетворяют свои потребности, реализуют жизненные планы, социальные ожидания» [1, с. 93]. При этом объективно-субъективные характеристики условий существования человека фиксируются такими понятиями, как удовлетворенность жизнью, благосостояние, качество жизни, счастье и др. Собственно, благо и выступает тем социально-личностным идеалом, к обретению которого и устремляется человек в процессе своей жизнедеятельности, вырабатывая те или иные способы получения желаемой цели [1].

Очевидно, что на субъективном уровне каждый из нас измеряет свое собственное благополучие, не только руководствуясь закрепленными социально-экономическими параметрами оценки качества жизни и благосостояния, образцами и нормами организации социальной жизни. Зачастую установленные критерии, определяющие стандартную норму благополучия, не соответствуют собственным представлениям и ожиданиям, связанными с целостным восприятием этого понятия, у каждого человека за этим словом стоит собственное содержание.

В рамках философии феномен благополучия разворачивается в интегративном ракурсе взаимодействия личности и социума и осмысливается сквозь призму смысложизненной проблематики. Не подлежит сомнению тезис о том, что в своих онтологических основаниях параметры, определяющие траектории устремлений человека к благополучию, могут претерпевать радикальные изменения под воздействием множества субъективных и объективных факторов (культурно-исторической и социально-политической ситуации, смены мировоззренческих парадигм и т. д.). В целом социальный мир оказывает непосредственное влияние на формирование смыслового пространства бытия личности, определяет его ведущую цель и смысложизненную позицию. Целеполагание социальной жизни действует в определенный исторический период и проявляется во всех формах и уровнях общественного сознания. Постановка цели, произведенная с опорой на онтологические основания с одной стороны, скрепляет между собой различные формы и уровни общественного сознания, с другой – пробуждает процесс трансформации в ведущих формах духа [2]. Появляется множество как альтернативных утопических картин и парадигм мышления, конституирующих представления о счастье и благополучии человека и общества в целом, так и проектов, ведущих к их реализации, что неизбежно влечет за собой соответствующие изменения социального бытия.

В представленном проблемном поле философский дискурс воспроизводится в непрерывном и постоянно обновляемом потоке вопросов: «что есть личностное благо?», «соизмеримо ли оно с благом социальным?», «может ли человек в полной мере достичь благополучия и что следует в таком случае принять в качестве единицы измерения последнего?», «что подразумевается под полнотой достижения благополучия?», «всегда ли построение наших субъективных представлений о достижении благополучия соответствуют тому онтологическому смыслу, которым нагружено это понятие?» и т. д. Предпримем очередную попытку высветить определенный пласт проблематики, связанной с осмыслением феномена благополучия в онтологическом аспекте рассмотрения.

Для человека как существа социального проблема согласования личного и общественного благополучия всегда воспринимается весьма напряженно, поскольку каждый из нас проживает жизнь в непрерывности переживания происходящего, измеряя свое эмоциональное состояние в таком абстрактном понятии, как счастье. Когда акцент рассмотрения феномена благополучия переводится в режим соотнесения с понятием «счастье», то происходит «выброс» интересующей нас проблематики в плоскость экзистенциально-онтологического осмысления, которое производится сквозь призму вопросов, связанных с феноменом экзистенциального благополучия, раскрывающим проблемы духовной удовлетворенности человека собственной жизнью.

Здесь следует уточнить то, каким образом соотносятся между собой счастье и благополучие. Дословно слово «эвдемония» (в русском языке слово «счастье») означает судьбу человека, находящегося под покровительством богов, в своем составе имеет корень «участь». В связи с этим долгое время доминирующее представление о счастье связывалось с удачей, фортуной, внешним благополучием. Понималось как благо, судьбоносный дар, преподнесённый богами, над которым человек не властен [3].

А.А. Озеров также обращает внимание на то, что когда мы говорим о счастье, нужно понимать, что здесь речь идет о двух различных вещах: во-первых, об обладании благами, являющимися объективным отношением («благосостояние, «благополучие»); во-вторых, о субъективном переживании самого факта обладания – «счастье» как испытывание некой высшей степени удовлетворенности на основе удовлетворения потребностей с помощью каких-либо благ. Это моральное переживание, которое носит предметно-содержательный характер и «не может переживаться в «чистом виде», будучи лишенным своего предметного содержания»; счастье «состоит в осознании человеком имеющихся в его распоряжении ценностей, в их эмоциональной оценке и в переживании им собственного отношения к этим ценностям» [4, с. 145–147]. Действительно, счастье не должно становиться целью жизни, его понимание не следует редуцировать к максимальному переживанию человеком состояния чистого блаженства, поскольку, во-первых, такое истолкование слишком поверхностно, во-вторых, стремление к счастью как состоянию высшего наслаждения возможно получить вне стремления к полноте улучшения своей жизни, а иными пагубными способами, позволяющими достигнуть острых ощущений.

На индивидуальное ощущение субъективного благополучия с позиции психологии счастья оказывают влияние факторы, которые связаны не только с материальным благосостоянием, но и с тем, как организована наша жизнь, как выстраиваются отношения с близкими людьми, от того, какие цели ставит перед собой человек и что выбирает в качестве ключевых ориентиров собственной деятельности [5, 6]; от включенности человека в определенную деятельность, процесс которой всецело поглощает его и придает новые жизненные силы [7]; радостные или трагические обстоятельства также влияют на изменение уровня счастья, испытываемого субъектом [8].

А. Маслоу выделяет уровни счастья: низший уровень – «дефицитарное счастье» [9] – связано с удовлетворенностью объективных базовых потребностей, необходимых для поддержания определенного качества жизни (полноценное питание, отдых, семья, дом, безопасность и т. д.), т. е. повышение уровня материального благополучия, заданного в количественных показателях может сделать человека более счастливым. Такое понимание счастья определяется понятием «субъективное благополучие», которое выдвигается в качестве меры счастья и рассматривается в качестве некой «интегральной эмоциональной оценки человеком своей жизни в целом» [10, с. 35]. Субъективное благополучие – это измеряемая количественная характеристика, которая отражает меру удовлетворенности человека базовых потребностей и определяет способность конкретного человека наслаждаться позитивными сторонами жизни.

Но как только эта задача решается, человек возводит для себя иные ориентиры в достижении более высокого уровня счастья – «бытийного счастья» (А. Маслоу), связанного с интенциональными переживаниями по поводу смысложизненных проблем и задач [11, с. 23]. На этом уровне счастье начинает определяться уже своеобразием индивидуальных факторов: наличием смысла жизни, экзистенциально значимой деятельностью, общением, добродетелью. В отношении данного уровня счастья невозможно установить пределы, стандарты для сравнения, т. к. оно дано в качественном измерении на уровне осмысленной деятельности самого субъекта [10, с. 41–43]. Человек даже на

фоне неблагоприятных внешних факторов, низкого уровня субъективного благополучия, но благодаря самодетерминирующему характеру бытийного счастья, может испытывать чувство радости и экзистенциальной удовлетворенности жизнью.

Ценности и расстановка ценностных приоритетов имеет здесь ключевое значение. Ведь в стремлении к лучшей жизни, в борьбе за собственное существование человек возводит целую иерархию ценностей, которые являются не только смысложизненными ориентирами конкретного человека, но и со временем становятся символами той или иной цивилизации. В соответствии с этими ценностными критериями и от степени приближения к ним зависит собственное оценивание и переживание жизни.

В отечественной философии получило развитие положение о том, что ведущим принципом объяснения человеческой жизни должен выступать принцип стремления к смыслу жизни (в противовес стремлению к счастью как ложной, противоестественной, побочной мысли). Как пишет А. Введенский, смысл жизни возвышается над самой жизнью, задает интенцию к высшей, «...абсолютной ценной цели, лежащей вне нашей жизни и осуществляющейся через посредство жизни» [12, с. 95].

Благодаря тому, что жизнь человека оценивается и осознается с позиции высшей ценности, придает ему силы в кризисные моменты, помогает пережить выпавшие на его долю беды и страдания и быть деятельным в реализации смысложизненных устремлений [13].

Д.А. Леонтьев, анализируя проблему счастья, приходит к выводу о необходимости учета роли смысла в его достижении, поскольку «...во-первых, его реализация составляет одно из главных оснований для переживания счастья, во-вторых, он определяет направленность поиска и качественные характеристики самого состояния счастья, включающие не только его интенсивность, но и зрелость. Наконец, в-третьих, смысл выступает мощной опорой в совладании не только с дефицитом счастья, но и с еще более серьезными невзгодами» [10, с. 38].

В экзистенциальной антропологии В. Франкла, принцип стремления к обретению смысла жизни противопоставлен стремлению к удовольствию: «... люди желают не удовольствия как такового, а они просто хотят того, что хотят» [14, с. 20]. Для счастья человеку нужны основания, и как только он их находит, то и счастье само приходит [15]. Обладание смыслом жизни есть предпосылка ощущения счастья, возможность его испытывать [16]. Смысл жизни состоит в реализации выстроенной человеком иерархии ценностей жизни как неких смысловых универсалий – ценности творчества, переживания и отношения. Благодаря этому деятельность человека становится не просто занятием, а приобретает общественную ценность и смысл, становится значим делом, т. е. благом для общества [17]. Исходя из размышлений мыслителя, следует, что сам процесс обретения смысла жизни есть благо, которое излечивает душу, поскольку страшна не смерть, а жизнь, лишённая смысла. А состояние обречённости смысла жизни есть состояние личностного благополучия, которое придает осмысленность благополучию социальному. В данном случае речь идет не о смысле жизни вообще, а акцентируется внимание на необходимости его определения для конкретной личности, который должен быть найден и реализован при любых обстоятельствах, поскольку «каждая ситуация несет в себе свой смысл, разный для разных людей, но для каждого он является единственным и единственно истинным» [4, с. 117]. Такие онтологические характеристики человека, как способность к самотрансценденции и самоотстранению, позволяют личности осуществлять себя, выходя за пределы своих возможностей и одновременно с этим возвышаться над собой и довлеющими внешними силами и обстоятельствами. Свобода человека проявляется в способности в режиме настоящего времени брать на

себя ответственность за принятые решения в выбранном пути, в реализации своих способностей, в отношении своей жизни в целом [14]. Человек живет в суетливом мире, погружен в бесконечный круговорот общения с другими людьми, сливаясь со всеми, он оказывается неинтересным, безликим, поскольку не работает над собой духовно. Сам процесс обретения смысла жизни есть благо, которое излечивает душу, поскольку страшна не смерть, а жизнь, лишенная смысла. Это значит, что состояние обретенности смысла жизни есть состояние личностного благополучия, придающего осмысленность благополучию социальному.

Д.А. Леонтьев, анализируя противоречия, связанные с ролью счастья в жизни человека, с опорой на психологические и философские теории обращает внимание на то, что в позитивной психологии проблема счастья отождествляется с устойчивым субъективным ощущением благополучия. Но постепенно идея первичной направленности человеческой жизни на смысл стала постепенно проникать в данную область научных исследований и впоследствии заняла ключевые позиции в решении центральных проблем современной психологии [10, с. 38]. Смысл стал рассматриваться как значимый фактор в достижении счастья, которое не является главным в жизни, а выступает как некий побочный эффект от достойных лично значимых деяний, внутренне инициированных на осуществление смысложизненной цели [18, с. 106]. Именно свершение экзистенциально значимых деяний, событий, связанных с трансцендированием (выходом за пределы собственного Я), вызывает наиболее яркий эмоциональный эффект, позитивные экзистенциальные переживания [7].

Безусловно, координаты самоопределения достижения состояния благополучия в каждом конкретном случае специфичны и зависят от индивидуальных установок, ценностных приоритетов, намерений конкретного человека. Важным здесь является не признание факта мозаичности представлений о благополучии в фокусе индивидуального преломления, что вполне очевидно, а то, что так или иначе сформированный образ благополучия является основанием для написания собственного жизненного сценария, который проигрывается каждым из нас с целью обретения состояния, которое можно именовать счастьем. На этом пути каждый что-то теряет и вновь воспроизводит утраченное, обретает новое, меняет траекторию поисков источника счастья вследствие изменчивости ценностных ориентиров, одновременно с этим преобразая себя самого и мир, в котором бытийствует. Жизнь человека не мыслима вне соотнесенности с бытием (внутренним и социальным). В «погоне за счастьем» человек как деятельный субъект вовлечен в повседневные и коммуникативные практики, воспроизводит себя в различных социальных формах существования, поддерживая и обеспечивая естественные и социокультурные формы своей жизнедеятельности.

Проследивание взаимосвязи феномена благополучия с такими понятиями, как счастье, смысл жизни, целеполагание, деятельность, обнаруживает сложность и многомерность исследуемого проблемного поля, осмысление которого невозможно вне контекста пересечения сфер индивидуального и социального бытия. Человек не просто проживает жизнь как биологическое существо, а экзистирует, наполняет смыслом собственное существование и социального бытия. Как онтологический концепт, стремление к полноте онтологического благополучия и то, что закладывается в основу его понимания, фиксируют изменения социальной реальности, преломляющейся в процессах индивидуального бытия.

В связи с рассмотрением проблематики благополучия обратимся к соотношению экзистенциального и социального планов бытия сквозь призму вопроса «достижимо ли экзистенциальное благополучие на уровне социального бытия?».

В ответе на этот вопрос в истории развития философской мысли можно выделить линии развития, в основании которых заложены противоположные друг другу позиции. Первая по сути своей является отражением *антисоциального сценария истолкования* феномена экзистенциального благополучия. Для данного отношения характерен отрыв экзистенциального от социального. Такой подход получил весьма яркое выражение в гуманистической антропоцентрической парадигме западноевропейской философии.

Гуманистические идеи и идеалы (добра, счастья, любви, справедливости, великодушия, честности и др.) «связаны с материальными и духовными интересами людей, с общественными традициями, с пониманием смысла жизни, с тем, к чему человек стремится, чего он желает достигнуть в жизни и какими способами» [19, с. 47]. Гуманистические идеалы добродетельной жизни, предложенные мыслителями в эпоху Античности, способствовали формированию проекта достижения человеком состояния благополучия, который выстраивался на идее цикличной неразрывной связи прошлого и настоящего (натуралистический историзм), ведущей к гармонизации конечного и вечного, души и тела. Представления о счастье как высшему, целостному, стабильному благу противопоставлялось сиюминутным гедонистическим устремлениям человека.

Например, цель человека, согласно Аристотелю, заключается в стремлении к счастью как «деятельности души в полноте добродетели» [20, с. 57]. Он обращает внимание на то, что эта цель, т. е. «то, ради чего» должна иметь вполне конкретные контуры, выраженные в индивидуальных формах проявления добродетели как деятельности, основанной на нравственных принципах, продиктованных разумом. Ограничение и контроль над собственными чувственными вожделениями покоится на разумном основании – это вполне реальный выбор человека.

Активная и свободная деятельность, направленная на преодоление нужды в чем-то, на удовлетворение своих потребностей, выступает причиной благополучия. Обретение счастливого состояния связано с чувством эмоционального удовлетворения от достигнутого результата. Человеку счастье не дается, оно приобретается. Благо как следствие добродетели ведет человека к обретению состояния благополучия, которое есть синтез причины и следствия («одно всегда было для другого») [20, с. 73]. Есть цели, полагал Аристотель, которые одновременно служат средством, а есть цель, которая никогда не бывает средством, – это счастье, которое приносит блаженство, в нем состоит первостепенная цель жизненных устремлений человека.

Мудрая самодисциплина и воспитание добродетельных качеств души, по утверждению Эпикура, позволяет избежать страданий, на которые обрекает себя человек в погоне за наслаждениями [21]. В учениях римских стоиков стойкость души, добросовестное исполнение своих обязанностей как гражданского существа есть основа заботы разумного человека о своей душе, способного переносить тяготы и лишения, выпавшие на долю его судьбы. Главное – не растратить себя духовно, не потерять свое человеческое достоинство, доброту и рассудительность, чистые помыслы, свободу, т. е. свою истинную собственность, заключенную в величии человеческой души, поскольку эта утрата значительно превышает потери вещественные (Сенека, Цицерон, Эпиктет). Исходя из этих рассуждений, благосостояние человека состоит в свободе от того, что ведет к порабощению собственной души. Душевное спокойствие, основанное на мудрости, терпении и сдержанности есть благо индивидуальное и благо общественное, которое ведет к обретению общечеловеческого счастья.

Христианское толкование смысла бытия человека предполагает заботу о спасении своей души во имя всеобщего воскресения и вечной жизни. В учениях Плотина и раннехристианских философов (Блаженный Августин, Ф. Аквинский) счастье трактова-

лось в контексте слияния души с Богом и обретения райского блаженства в лучшем мире [10, с. 36]. Благо есть путь деятельного самосовершенствования своего духа, на котором желания и проявления свободной воли человека не должны стоять превыше воли Божественной. С. Бозций, обличая мнимость удовлетворенности земными благами, задается вопросом: «Кто обладает счастьем столь полным, чтобы не выражать недовольства своим положением или хотя бы какой-нибудь его стороной?». Самое ценное для человека как богоподобной личности – это он сам (абсолютная и бесконечная ценность). Обретая самого себя, человек должен непрерывно совершать усилия над собой [22].

А если речь идет о достижении коллективного благополучия, то это требует не только индивидуальных, но и совместных усилий в поддержании общечеловеческих ценностей и устоев, духовно-нравственного здоровья общества.

Культура Ренессанса, подхватившая гуманистические идеи античности, задала новые гедонистические ориентиры в поисках счастья, погрузив человека в сферу реального, в мир земного блага, телесных ощущений и наслаждений (Валла, Мирандолла, Петрарка, Бокаччо, Альберти и др.), отрывая его от религиозного мировоззрения. Нравственные воззрения дополняются новым гуманистическим содержанием и новой системой ценностей. Индивидуализм и совершенство человеческой природы, его души и тела составляют ядро индивидуального и социального благополучия. Путь к достижению последнего опять же состоит в упорном труде над собой, в благодеянии – воспитании собственной человечности (в благодеянии), изначально заложенной Природой. Здесь сквозной нитью проходит идея о том, что благополучие не зависит от имущественного положения, от принадлежности к какой-то социальной группе. Это путь к обретению гармонии с собственной природой и другими людьми, т. е. некое объединяющее начало индивидуального и общественного блага.

Западноевропейская философия Нового времени развивается с опорой на идеи прогрессивного развития человечества, создающего общественную жизнь по рациональным законам (Т. Гоббс, Д. Локк). Вместе с этим формируется субъективистское понимание счастья, в основе которого лежит представление о том, что только сам человек может определить, испытывает ли удовлетворенность от жизни и в конечном итоге счастлив он или нет. В таком случае становится важным как факт обладания благами, так и те чувства и эмоции, которые сопровождают последнее.

В эпоху Просвещения сформировался комплекс идей, провозглашающих в качестве главной общественной ценности потребление благ цивилизации, культивирование развлекающегося общества, погруженного в актуальное поле настоящего момента, циклично возобновляемого, мыслимого в отрыве от значимости прошлого.

Этот исторический период В.А. Васильев характеризует как «период социальных катастроф: революций, распада государств и империй, которые уносили миллионы человеческих жизней, физически и духовно калечили людей ... рушился устоявшийся и, казалось бы, прочный мир взаимоотношений, сопровождаясь ломкой традиционных нравов, духовных устоев народа» [19, с. 46]. В такие сложные переломные эпохи личность оказывается в ситуации выбора: быть или не быть; устремляется к поиску счастья в отчуждаемом мире общественных отношений, бесконечных противоречий, социальных катастроф, конфликтов и распрей.

Проблематика экзистенциального благополучия получает развития в неклассической философии и становится попыткой преодоления уже достаточно укрепившейся в общественном сознании потребительских ценностей. В контексте развития идей западного экзистенциализма, утверждающих автономность личности, привилегированность

человеческого духа и открытием экзистенциальной самости, человек предстает прежде всего в пространстве заботы о собственной онтологичности, – он сам по себе есть бытие, пребывающее на границе миров на пороге страха и трепета (С. Кьеркегор). Осознание смертности своей природы возмещает человеку о неизбежной катастрофичности своего бытия. Социальное воспринимается как нечто враждебное, чуждое, потустороннее, механически-рутинное, неподлинное, иллюзорное, вызывающее ощущение тошноты, абсурдности существования (А. Камю), «смерти человека» (М. Фуко). Это внешний фон, обрамляющий подлинное существование – бытие-экзистенцию, от которого необходимо избавиться, очиститься, придать забвению. Эксцентричность, онтологическая неукоренность и потерянности человека (Х. Плеснер) заявляет о недостижимости обретения экзистенциального благополучия в модусе социального, мимолежного «недобытия», полубытия, которое он выбрал сам [23, с. 89]. Человек как «пастух бытия» (М. Хайдеггер) проживает и глубинно переживает жизнь в границах собственного индивидуального бытия как Бытия вообще через пограничную ситуацию «заботы о себе». Н.С. Шиловская справедливо отмечает, что в экзистенциализме М. Хайдеггера «социальное как существование предшествует экзистенции как сущности, поэтому экзистирующий человек выпадает из социального пространства» [24, с. 6].

В этом плане размышлений показательна позиция социального критицизма, выраженная в экзистенциально-феноменологических воззрениях Ж.-П. Сартра в трактате «Бытие и ничто», в котором реальная жизнь человека разворачивается как «историю неудачи» [25, с. 30–31]. Мир вещей («бытие-в-себе») как мертвый мир объектов сознания – застывший, инертный, объективный, принципиально отличен от субъекта («бытие-для-себя») – носителя абсолютной свободы воли. Свобода «есть бытие человека», «он полностью и всегда свободен или его нет» [26, с. 87–88]. В силу того, что общественные формы бытия наделены теми же вещественными свойствами, социальное предстает как форма отчуждения и отрешения человеческого существования от своей онтологической самостоятельности. Человек, подчиняясь внешним силам, отказываясь от себя, становится рабом коллективных форм организации, массовизации, стандартизации – всему тому, что изначально ему враждебно, что опосредует личное подлинное отношение к жизни. Подлинная жизнь субъекта, по мнению Ж.-П. Сартра, проживается в ситуации свободного выбора, реализованного в поступке, за который несет ответственность он сам, не перекладывая этот груз «на чью-либо анонимную ответственность – на государство, нацию, расу, семью, других людей» [27, с. 30]. Исходя из таких ценностных установок, проект экзистенциального благополучия предполагает проживать жизнь в режиме осознанной ответственности за самого себя, выстраивая иную реальность (в противоположность наличному существованию) в каждом акте выбора, совершаемого в пустоте с нуля «как если бы на нас не влияли ни полученное воспитание, ни ценностные установки, ни боль, ни угрозы...» [26, с. 87–88].

Вторая позиция представляет собой *социальный сценарий экзистенциального благополучия*, который не типичен для западного типа ментальности. Тем не менее такая позиция оказала значительное влияние на мировоззренческие установки, сформированные в XX в. Речь идет об антропологических представлениях французского материалиста Л. Фейербаха и марксистской антропологии, определивших ориентиры для построения иного отношения к экзистенциально-онтологическому статусу человека. Не отказывая субъекту в ценности личностного самоутверждения, но при этом избегая крайнего индивидуализма, он объявляется существом исключительно социальным, мыслится как «совокупность общественных отношений». В данном случае сценарий достижения экзистенциального благополучия выстраивается на совершенно иных установках, вы-

ражается в синкретизме индивидуального и общественного, в единстве личностного и социального. Человек не возвышается над миром повседневной действительности, а встроен в его сущностное социальное ядро. Тем самым преодолевается разрыв между экзистенциальной сущностью и социальным существованием человека. Исходя из этической теории марксизма, можно предположить, что благополучие человека зависит от стремления к всестороннему развитию его способностей (умственных, физических, нравственных и др.), необходимых для осуществления высокой цели – построения нового справедливого общества, лишённого страданий.

Социоцентричное отношение характерно и для отечественного типа культуры. В отечественной философской традиции XX в., в рамках советской культуры проблематика экзистенциального прорастает и растворяется в социальном измерении. Человек выступает как часть социального бытия, мыслимого как целое. В то же время в такой системе взглядов встречаются категоричные позиции, когда смысл личностного бытия переносится за пределы самого субъекта, основной целью его существования становится исключительно «бытие-для-Другого». В таком случае человек всецело посвящает себя служению какой-то идее, обществу, науке, Богу и др. [15, с. 30]. Человек становится средством для достижения высшей цели, а не самоцелью, нивелируя значимость «бытия-для-себя», а иногда и принося в жертву не только свою жизнь, но жизни других людей.

Тема любви, жизни, смерти человека в литературно-философском наследии XX в. обретает экзистенциальную трактовку не только сквозь призму соборности, коммюнитарности (Н. Бердяев), но и открывается через проблематику социального как повседневного, бытового, рутинного, обнажая перед человеком его собственную сущность в экзистенциальном измерении. Среди смерти, пыли, боли, убогости и страха пробивается нечто такое важное, что наполняет жизнь смыслом, скрепляет человека с его сущностно человеческим в самом себе, что придает силы вновь и вновь пробуждаться, обретать самого себя на разломах бытия. Как пишет Н.С. Шиловская, «путь в собственное подполье и его детальная аналитика не означают похвалу этому подполью. Забравшись в самое низменное в себе, мы приходим в ужас. Именно пережитый ужас от затаенного подпольного есть единственный путь к его преодолению: преодолеть то, что неизвестно, невозможно. Пусть нельзя преодолеть подполье окончательно, но главное – его осознание и борьба, борьба с подпольным в себе» [24, с. 6]. Развитие темы «подпольного человека» разворачивается в философско-литературной концепции Ф.М. Достоевского, в которой отражается бесперспективность рациональных попыток социального обновления жизни в силу его противоречивости, своеволия и непостоянства.

Внимание акцентируется на том, что общественная жизнь оказывается пронизанной эгоистическими интересами. Это проявляется не только на уровне межличностных, но и межнациональных и межгосударственных отношений. Культ силы, принуждения, насилия, жестокости, гедонизма становится привычным явлением в нашей жизни, обесценивая гуманистические ценности, отказывая человеку в проявлении чувства сострадания, бескорыстной помощи другому.

Полагаю, что понимание феномена благополучия в контексте целостного рассмотрения следует рассматривать как процесс формирования внутренней культуры личности, предполагающей гармонизацию внутренних и внешних составляющих уровней бытия человека, что требует непрерывной работы над собой и системой взаимоотношений с обществом. Установки гедонизма и утилитаризма, которые в своих исходных посылах направлены на удовлетворение желаний к бесконечному наслаждению или обогащению далеко не всегда способствуют социальному и экзистенциальному

благополучию личности, а порой и стирают все истинные сущностные качества человека, делая его в онтологическом смысле «больным».

Благополучие в экзистенциально-онтологическом плане может открыться человеку как озарение, как внезапное переживание событий личностного свершения особо значимых событий, свидетельствующих об обретении духовного блага, отрывающего подлинность собственного бытия, осознания уникальности собственной экзистенции. Счастье как высшая степень переживания состояния благополучия, понимаемого в онтологическом смысле, не ощущается человеком постоянно, оно может выражаться в неосознанной форме, «в снятом виде оно включает в себя осознание тех предметных отношений, согласно которым только может возникнуть и сохраняться» [4, с. 146]. Человек не только должен стремиться к овладению различными благами, но и понимать их сущность, их значимость и ценность для экзистенциального осуществления и социальной жизни.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что на основе интегрального отношения удовлетворенности жизнью в целом, ее духовных и материальных составляющих возможно говорить о понимании благополучия как об онтологическом феномене, сопряженным со смыслом жизни и феноменом экзистенциального счастья, которое имеет качественно-феноменологические характеристики, связано с мерой успешности осуществления экзистенциального проекта. Может ли стремление экзистирующей личности к обретению счастья, выступающее ведущим ориентиром и целью социальной жизни, возвести к благосостоянию общества в целом? Это будет зависеть от самой личности, от того, какие способы в каждом конкретном случае избираются для достижения собственного благополучия; основывается ли их выбор на моральных принципах; являются ли общественные интересы и общественные блага для него не менее значимыми, чем личные; занимают ли в системе его ценностных ориентиров ключевые позиции такие понятия, как долг, служение людям, совесть, подвиг и т. д. В ситуациях, когда личное благо вступает в конфликт с благом социальным, речь идет о неизбежности возникающих противоречий между счастьем и моралью, о попадании человека в зону необходимости сделать выбор в пользу собственного благополучия или принятия решения действовать во благо общественных интересов. Диалектика одного и другого лежит в основе достижения онтологического благополучия, которые следует мыслить только в полноте и единстве многообразия аспектов его проявления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванкина Л.И. Благополучие и проблема устойчивого развития общества // Вестник науки Сибири. – 2015. – № 2 (17). – С. 92–99. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/1331/888> (дата обращения: 01.02.2019).
2. Задворнов А.Н. Представление о счастье как целеполагающая сила общественного сознания и его форм // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 «Философия». – 2013. – № 1 (19). – С. 18–24.
3. Гуссейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. – М.: Гардарика, 1998. – 462 с.
4. Озеров А.А. Концептуальные основания проблемы смысла жизни: монография. – М.: Изд-во СГУ, 2011. – 248 с.
5. Lyubomirski S. The how of happiness: a practical approach to getting the life you want. – London: Penguin Books, 2007. – 384 p.
6. Diener E., Oishi S. Are Scandinavians happier than Asians? Issues in comparing nations on subjective well-being // Asian Economic and Political Issues. – 2004. – V. 10. – P. 1–25.
7. Csikszentmihalyi M. Flow: the Psychology of Optimal Experience. – N.Y.: Harper Perennial, 1990. – 303 p.
8. Diener E., Lucas R.E., Scollon C.N. Beyond the hedonic treadmill: Revisions to the adaptation theory of well-being // American Psychologist. – 2006. – № 61 (4). – P. 305–314.
9. Maslow A.H. Toward a psychology of Being. – Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1968. – 240 p.

10. Леонтьев Д.А. К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости // Человек. – 2011. – № 5. – С. 34–46.
11. Maslow A.H. The Psychology of Happiness // Future Visions: The Unpublished Papers of Abraham Maslow / Ed. by E. Hoffman. – Thousand Oaks, CA, US: Sage Publications, 1996. – 221 p.
12. Введенский А. Условия допустимости веры в смысл жизни / под общ. ред. Н.К. Гаврюшина // Смысл жизни: Антология. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – С. 93–122.
13. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 384 с.
14. Франкл В.Э. Воля к смыслу. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 368 с.
15. Frankl V.E. The unheard cry for meaning. – Washington: Square Press, 1977. – 224 p.
16. Frankl V.E. Der leidende Mensch: Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. – Bern: Haber, 1984. – 350 p.
17. Балабаева М.В. Виктор Франкл: Философское истолкование смысла страдания: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2008. – 197 с.
18. Emmons R.A. Personal goals, life meaning, and virtue: Wellsprings of a positive life // Flourishing: Positive psychology and the life well-lived/ Eds. C.L.M. Keyes, J. Haidt. – Washington, DC, US: American Psychological Association, 2003. – P. 105–128. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/10594-005> (дата обращения 01.02.2019).
19. Васильев В.А. Нравственная основа гуманизма // Вестник МГЛУ. – 2011. – Вып. 11(617). – С. 40–50.
20. Аристотель. Никомахова этика – М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt> (дата обращения 02.02.2019).
21. Древнеримская философия. От Эпиктета до Марка Аврелия / сост. В. Шкода. – Харьков: Фолио, 1999. – 830 с.
22. Бозций А.М. Утешение философией и другие трактаты. – М.: Наука, 1996. – 236 с.
23. Андреев Д.Л. Роза мира. – М.: АСТ, 2018. – 896 с.
24. Шиловская Н.С. Гуманизм, экзистенция и социальное // Вестник Минского университета. – 2013 – № 3 (3). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21684399> (дата обращения 02.02.2019).
25. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии – М.: Республика, 2004. – 639 с.
26. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто (в сокращении) // Философские науки – 1989. – № 3. – С. 87–88.
27. Сартр Ж.-П. Слова. – М.: Прогресс, 1965. – 175 с. URL: https://imwerden.de/pdf/sartre_slova_1966_text.pdf (дата обращения 02.02.2019).

Поступила 16.02.2019 г.

WELL-BEING PHENOMENON IN THE CONTEXT OF EXISTENTIAL AND ONTOLOGICAL UNDERSTANDING

Marina V. Duminskaya,
marina-duminskaya@yandex.ru

Surgut State Pedagogical University,
9, Artema street, Surgut, 648404, Russia.

Marina V. Duminskaya, Dr. Sc., associate professor, Surgut State Pedagogical University.

*The paper analyzes the well-being phenomenon from the standpoint of ontological approach. **The aim** of the research is to reveal the existential-ontological aspect of the well-being phenomenon through the prism of understanding the problem of relationship between personal and public good. **Methods:** the methods of explication and comparative analysis, philosophical and historical, ontological and hermeneutic approaches. **Results.** The paper demonstrates the interrelation of the well-being phenomenon with such notions as good, happiness, meaning of life, activity, goal setting. It is substantiated that well-being as an ontological concept is multidimensional, its understanding is not reducible with satisfaction with the possession of external benefits based on incoming values. Well-being is a universal resource, the desire for possession of which will affect certain coordinates in order to acquire the ontological stability of a person acting in different modes of existence. In the history of philosophical thought, an antisocial and sociocentric position is highlighted in relation to the interpretation of the existential well-being phenomenon. **Findings.** The conclusion is made on the dialectical nature of the substantive aspects of ontological well-being, which has qualitative-phenomenological characteristics. It is related to the definition of the meaning of life, the experience of being happiness, with a measure of success in implementation of an individual existential project. It opens up to a person as insight, a sudden experience of events of personal fulfillment, authenticity and uniqueness of one's own being, events of gaining not only material, but also spiritual happiness and good.*

Keywords: Well-being, social well-being, personal well-being, ontological well-being, existential well-being, good, happiness, meaning of life, activity.

REFERENCES

1. Ivankina L.I. Social welfare and the problem of sustainability. *Siberian Journal of Science*, 2015, no. 2 (17), pp. 92–99. Available at: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/1331/888> (accessed 01.02.2019). In Rus.
2. Zadornov A.N. Predstavlenie o shchaste kak tselepolagayushchaya sila obshchestvennogo soznaniya i ego form [The notion of happiness as purposeful force of social consciousness and its forms]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7 "Filosofiya"*, 2013, no. 1 (19), pp. 18–24.
3. Gusseyinov A.A., Apresyan R.G. *Etika* [Ethics]. Moscow, Gardarika Publ., 1998. 462 p.
4. Ozerov A.A. *Kontseptualnye osnovaniya problemy smysla zhizni: monografiya* [Conceptual foundations of the problem of the meaning of life: a monograph]. Moscow, SGU Publ., 2011. 248 p.
5. Lyubomirski S. *The how of happiness: a practical approach to getting the life you want*. London, Penguin Books, 2007. 384 p.
6. Diener E., Oishi S. Are Scandinavians happier than Asians? Issues in comparing nations on subjective well-being. *Asian Economic and Political Issues*, 2004, vol. 10, pp. 1–25.
7. Csikszentmihalyi M. *Flow: The Psychology of Optimal Experience*. N.Y., Harper Perennial, 1990. 303 p.
8. Diener E., Lucas R.E., Scollon C.N. Beyond the hedonic treadmill: Revisions to the adaptation theory of well-being. *American Psychologist*, 2006, no. 61 (4), pp. 305–314.
9. Maslow A.H. *Toward a psychology of Being*. Princeton, N.J., Van Nostrand, 1968. 240 p.

10. Leontev D.A. K antropologii shchastya: sostoyanie blagopoluchiya i put radosti [Toward an anthropology of happiness: the state of well-being and the way of enjoyment]. *Chelovek*, 2011, no. 5, pp. 34–46.
11. Maslow A.H. *The Psychology of Happiness. In Future Visions: the Unpublished Papers of Abraham Maslow*. Ed. by E. Hoffman. Thousand Oaks, CA, US, Sage Publications, 1996. 221 p.
12. Vvedenskiy A. Usloviya dopustimosti very v smysl zhizni [Conditions for the admissibility of faith in the meaning of life] *Smysl zhizni: Antologiya*. Ed. by N.K. Gavryushin. Moscow, Progress-Kultura Publ., 1994. pp. 93–122.
13. Berdyaev N.A. *O naznachenii cheloveka* [About the appointment of a person]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 384 p.
14. Frankl V.E. *Volya k smyslu* [Will to sense]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2000. 368 p.
15. Frankl V.E. The unheard cry for meaning. Washington, Square Press, 1977. 224 p.
16. Frankl V.E. *Der leidende Mensch: Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie* [The suffering person: anthropological foundations of psychotherapy]. Bern, Haber, 1984. 350 p. In Ger.
17. Balabaeva M.V. *Viktor Frankl: Filosofskoe istolkovanie smysla stradaniya*. Dis. Kand. nauk [Victor Frankl: Philosophical interpretation of the meaning of suffering. Cand. Diss.]. Moscow, 2008. 197 p.
18. Emmons R.A. Personal goals, life meaning, and virtue: Wellsprings of a positive life. *Flourishing: Positive psychology and the life well-lived*. Eds. C.L.M. Keyes, J. Haidt. Washington, DC, US, American Psychological Association, 2003. pp. 105–128. Available at: <http://dx.doi.org/10.1037/10594-005> (accessed 1 February 2019).
19. Vasilev V.A. *Nravstvennaya osnova gumanizma* [The moral basis of humanism]. *Vestnik MGLU*, Iss. 11 (617), pp. 40–50.
20. Aristotel. *Nikomakhova etika* [Nicomache ethics]. Moscow, EKSMO-Press Publ. Available at: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt> (accessed 2 February 2019).
21. *Drevnerimskaya filosofiya. Ot Epikteta do Marka Avreliya* [Ancient Roman philosophy. From Epictetus to Marcus Aurelius]. Compiler V. Shkoda. Kharkov, Folo Press., 1999. 646 p.
22. Boetsiy A.M. *Uteshenie filosofiy i drugie traktaty* [Rejoicing in philosophy and other treatises]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 236 p.
23. Andreev D.L. *Roza mira* [Rose of the World]. Moscow, AST Publ., 2018. 896 p.
24. Shilovskaya N.S. *Gumanizm, ekzistenciya i sotsialnoe* [Humanism, Existence and Social]. *Vestnik Minskogo universiteta*, 2013, no. 3 (3). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21684399> (accessed 2 February 2019).
25. Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothing]. Moscow, Respublika Publ., 2004. 639 p.
26. Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto (v sokrashchenii)* [Being and Nothing]. *Filosofskie nauki*, 1989, no. 3, pp. 87–88.
27. Sartr Zh.-P. *Slova* [The words]. Moscow, Progress Publ., 1965. 175 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/sartre_slova_1966_text.pdf (accessed 2 February 2019).

Received: 16 February 2019.